

Так назвал свою книгу стихотворений Александр Раевский, изданную в 2011 году в г. Кемерово под редакцией Б.В. Бурмистрова и вобравшую в себя лучшее из предыдущих четырёх сборников с небольшой добавкой произведений, написанных в 2006–2008 годах.

Автор, на мой взгляд, удачно назвал свой труд строкой из стихотворения «Бабушкины слова». Именно бабушка рассказывала внуку, что **«на небушко лесенка есть вон за той за зелёной берёзой»**, по которой **«к боженьке можно залезть»**. Но назвав так книгу, поэт, конечно же, мыслил шире и подразумевал светящийся и хрупкий путь поэзии да и вообще искусства к высотам духа – хотя и прекрасный, но чреватый опасностью быть легко разрушенным: ступил не так раз, другой, и разломится лестница...

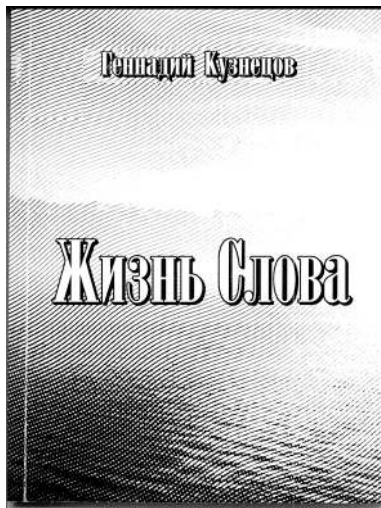
А прочной опорой движения по ней является, судя по содержанию книги, слово, в котором не игра ума, не его сложнейшие выверты, а простота, внутренней теплотой своей согревающая сердце читателя. С первых же страниц окунаешься в неё. Здесь и трава растёт, и почки лопаются, и события какие-то совершаются. Но такова ткань стихотворения, что всё это простое, соединённое вместе, даёт картину, которая глубоко запечатлется и долго не отпускает.

Со многими стихами ты уже хорошо знаком, но начинаешь читать и вновь не можешь оторваться. Стихотворение действует магнетически, обладая каким-то особенным свойством, только ему присущим, где слова, нужные именно в данный момент, располагаются и сцепляются так, что подсвечивают друг друга, и вся строфа начинает светиться.

«Кусты, засыпанные снегом.
Восторг, слезинка, синева...
Домой, домой! Лошадке пегой
Не в тягость наша кошева».

Александр Раевский пишет не отголоски жизни, не второстепенные её черты, а самый сгусток – то, что лежит в её основании и без чего все её ответвления и проявления просто не смогли бы быть.

Уже в 16 лет он написал удивительное стихотворение «Гость», в котором кусок из жизни села выписан пером, достойным зрелого мастера, что лишний раз убеждает – поэтом невозможно стать, им надо родиться.

На подворье привезли сено, сгружают его и стогуют. Но в том-то и вся интрига стихотворения, всё искусство поэтического, что мы этой работы не видим, а лишь догадываемся о ней, чудодейственно её ощущаем: **«в надворье творится хорошее что-то»**.

Это «что-то», с одной стороны, таинственное, а с другой – напряжённо-волнующее и даже слегка пугающее: **«по сугробам, плетням и столбам метались лучи, рокотала машина, от близкого гуда дрожала изба...»**.

А вот и сами творцы хорошего, полные радости и гордости за содеянное: **«фуфайки и шапки кидали на пол, шутили, сорили пырейною остью»** и начинали заслуженное трудом застолье в честь «доброго гостя».

А гость – луговая забота людей – **«темнел во дворе величаво и строго»**.

Вот он, величественный в своей простоте итог человеческого труда, красоту которого поэт подчёркивает образной и превосходно сделанной концовкой:

«И было уютно январской звезде
Дремать на заснеженном темени стога».

Это всё из первого раздела книги «Ласковая высь».

А когда бытие стало пригибать эту высь к земле да ещё и волочить по грязи, то заболела муза Раевского, запечалилась и застонала далеко не ласковыми словами.

Но это были не плаксивые, а мужественные слова: в своих стихах поэт не отводит взгляд от запустений и мерзостей времени наживы, смотрит в упор, не отворачиваясь от смрада.

Во втором разделе «В краю, простуженном насквозь», в стихотворении «Голуби» речь идёт совсем не о голубином: **«в просторах забитой России... беспросветным враньём загрязнён, во вражде, на игле да на водке кровью пенится»** не только её горизонт, а и вся округа.

А на следующей странице пылают гневом такие строки: **«нет правды в раздолбанном**

мире», «в кровавых разборках сошли все с ума», рождённое либералами рыночное «чудище прёт напролом».

И всё-таки меня, как читателя, больше привлекают не бичующие прокурорские строки, а те, где автор – и судья, и ответчик. В них боль и от паскудства окружающего, и от собственных промахов и негативных поступков.

С болью в сердце выдаёт поэт этот сплав собственной, далёкой от голубого сияния, жизни со скудеющей жизнью народа в таких стихотворениях, как «Стою на посту, охраняю насосную...», «Молчаливый разговор», «Гнилое гибельное лето...», «Вещий сон».

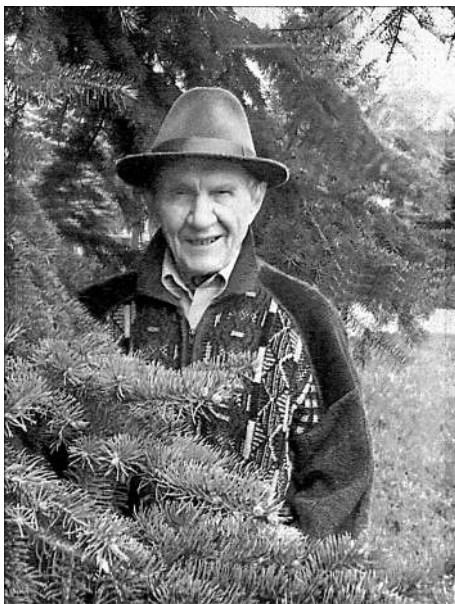
Вот, к примеру, как он пишет об этом «В позднем прозрении»:

Вся страна
на больничной постели,
Очень грязная
эта постель.
Как метели,
года просвистели,
Или сам их,
дурак, просвистел?..

Говоря о своих невзгодах, поэт горестно восклицает: «По сравнению с великою болью, что твоя одинокая боль?» – и не снимает с себя ответственности за гибель великой державы: «Проблужкал в облаках и при этом проморгал злые силы во мгле...»

Но в последних стихах, помещённых в разделе «Надежды крестик золотой», чувства его как бы оттаивают, и уже не злостью и болью,

а «печалью вышей просвечивает» он окружающий мир. Уже проступают в душе главные мотивы «Ласковой выси», вновь туманит глаз берёза, «раскинувшись густым шатром, знакомым с детства», и греет душу «очарованный тракторист», «и ласково вниз из-за тучи лиловой ОТЕЦ лучезарно глядит». И мысли о будущем – не мрачные: «Ничего, наше время придёт – всё наладится, всё возродится».

Хотя реальность порой не радует даже в родной Алабуге: у дядьки Андрея «в глазах безнадёга», «во дворах ни скотин, ни курей, водку глытаем часто и много», но спасение от духовного застоя, от душевной боли поэт ищет в Алабуге – в родном с детства доме.

Это, так сказать, в бытийном плане.
А в творческом?

Мне кажется, что поэт уже прошёл путь и обличения, и самобичевания.

Люди нуждаются сейчас не столько в констатации и развенчивании зла, сколько в силе добра, помогающего утверждению жизни. И путеводитель тут, и вдохновитель – путь Христа, поселение добра в душах людей.

На вершинах творчества этот путь – путь созидания – труднейший. Мною были названы стихи, которыми поэт наметил вехи этого пути.

С душевной теплотой
и благодарностью!
На добрую память.
Геннадий Кузнецов
28 сентября 2018